

«Не страшно мне. Я слово произнёс...»

(О поэте В.С. Еращенко)

В январе 2017-го Виктору Степановичу Еращенко исполнилось бы только 70 лет. Говорить о нём трудно, печально и светло: он до сих пор воспринимается живым, как будто уехавшим в бессрочную командировку. Я всегда слушала его с восторгом; он умел будоражить мысль и одаривал собеседника удивительным жизнелюбием, сокровенный источник которого совсем не радость и безмятежность.

Глаза у Виктора были необычайной красоты - яркие, цвета золотого гречишного мёда, напоминающего прозрачный янтарь; он их опускал, когда говорил; взгляд его ускользал, как уплывает чудесная музыка, чаруя и оставляя память о прекрасном. Такой была и его душа. Виктор Степанович был очень скромн, деликатен, обладал тонким художественным вкусом, но те, кто мало его знал, называли его эстетом. Он был благородным гриновским романтиком, никогда не боялся ошибок и не обобщал разочарование. Никто не смел говорить дурное о хорошем человеке в его присутствии - Виктор воспринимал это как личную обиду и вёл себя по-рыцарски.

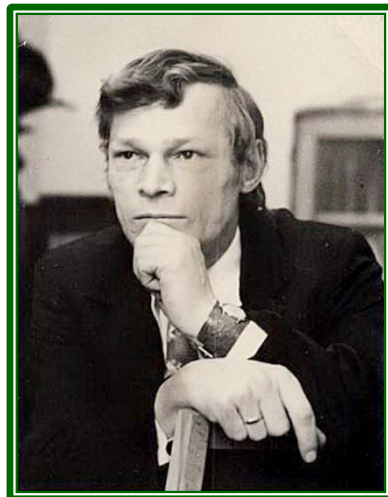
Стихи Виктор начал писать с 16 лет, а может быть, и раньше: первая публикация у него была в 1963 году, и его заметили сразу, поскольку уже в ранних стихах, глубоких и грустных, была истинная поэзия, которую не подменишь эрудицией. Грусть была неким предчувствием судьбы.

При жизни у В.С. Еращенко вышло пять сборников стихов: «Стихи» (1975), «Лепестки в колодезной воде» (1977), «Отраженья» (1980), «Мир просторен» (1985), «Купель» (1986). В Дальневосточном литературном музее (ныне он не существует) Виктор Степанович вёл литературное объединение (ЛИТО), некоторые из его участников стали профессиональными писателями - прозаиками и поэтами. Хороший поэт, Виктор Еращенко к тому же обладал талантом жить: вокруг него стихийно создавались новые миры, к нему тянулись, как к костру в ночном поле. В нём было какое-то весёлое бродильное начало, и молодые литераторы учились у него серьёзно работать над стихами и прозой, правильно воспринимать критику. Как-то естественно и даже незаметно вырабатывалось у них творческое отношение к накопленным знаниям, которые становились их органической частью, превращались в культуру. Виктор Степанович обладал талантом педагога, наставника, учителя литературного мастерства. Молодых писателей, занимавшихся в его студии, он напутствовал своими стихами:

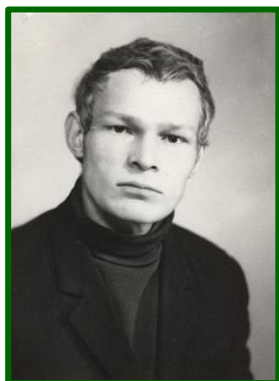
...Пиши и в поле, и в подполье,
Пиши на белой и любой,
Пиши до боли, до мозоли,
Пиши всегда - и Бог с тобой!

У Вс. Н. Иванова, русского писателя, историка и философа, есть замечательные слова: «В языке нашем, как в оргАне готического собора, есть разные регистры - от серебряного «ангельского голоса» до глубочайших басов». Таким был и речевой диапазон В.С. Еращенко: он безукоризненно владел искусством риторики, превосходно знал орфоэпию, речь его была выразительна, богато интонирована, полна психологических пауз. Виктор знал сотни стихов и артистически, пафосно их читал - мне казалось, что он мог цитировать стихи древних и современных поэтов много часов подряд. Виктор бережно относился к слову, чувствуя его сакральность и божественную силу. Он передавал начинающим писателям завет Квинта Горация Флакка правильно выбрать тему, чтобы не было случайных, посредственных, неряшливых слов:

«Взявшись писать, выбирайте себе задачу по силам!/ Прежде прикиньте в уме, что смогут вынести плечи,/ Что не поднимут они. Кто выбрал посильную тему,/ Тот обретёт и красивую речь, и ясный порядок».

Стихи Виктора Еращенко

Метель - и резкая, и липкая,
И длинный свист, и забытьё...
Моя любовь, моя религия,
Мировоззрение моё.
Метель - из темного и белого,
Из разрушений и торжеств,
Метель, метель - наброски беглые
Недостижимых совершенств!
Сплетенья лжи и достоверности,
Тоска, сводящая с ума,
И твердь, и всплеск, и глубь разверстая...
Сама природа, жизнь сама!
И если кто-то строгим разумом
Создаст вселенскую модель.
Пред ним взлетит вихреобразная
Прозрачно-мглистая метель.

Амур в сиянье дня. Давно ли по нему
Скользнули те челны, которым «подвиг» имя.
Ты этот ценный след не видел - почему?
Ты свой среди своих, ты вырос со своими,
А вместе - где слабы и что не сотворим?
Звучало так в волне и далью вопрошалось.
И где-то вдалеке маячил третий Рим,
И сказочная Русь из воздуха соткалась.

Мы были странники, искатели - за это
В сибирской родине смешалось сто кровей:
Казачья вольница, протест интеллигента
И думы тайные крестьянских сыновей.

Забросить вотчины, хлебнуть тоски таежной,
смутьиться тяжестью нажитого добра -
От ссыльных прадедов, от калик переходжих,
От темных заповедей Дона и Днепра.

Выбрал я век, не отмеченный силой и ростом,
Выбрал я мир подневольных и тёмных глубин,
Здесь моё место и цель, объяснимая просто:
Если турнир, это значит - последний, один;

Если турнир, то не будет виновных и правых,
Прямо под корень ударит зазубренный меч,
Что же твердить о путях испытанья и славы?
Что же гордиться размахом и силою плеч?

Книг нержавеющих, книг не приемлемых вечно,
Правды, Добра, Красоты золотые слова -
Самое время расслышать в глуши человеческой,
Самое время - для разума, для естества.

Грустным и строгим сегодняшней грезится Мастер
Ясной работы - среди непреременной беды:
Шумно вокруг, под личиной дурацкой, горластой, -
Век неопознан, и одиноки труды...

Когда мне хорошо - и ты мне нужна.
И страсти холодок, и злое непокорство
Печалей и причуд - ты знаешь всё до дна.
Но я сберёг одно загадочное свойство:
Когда мне хорошо - и ты мне нужна.

Мне облака нужны, насыщенные пылью
Неведомых равнин, а может быть, планет,
Рассыпавшихся в пыль, и метеоров след,
И тёмные леса - как слабые подкрылья
Единокого крыла, колышущего свет.

Идти в своём лесу. Пересекая поле,
Вспугнуть ворчливых птиц, мол,
расходился тут.
На вырубках дубки, приветствуя, встают.
Тут всё простишь себе, тут родина и воля,
И грусть не о тебе - на несколько минут...

Но вот на берег свой поставишь оморочку,
Но вот накинешь плащ походно-городской.
И тысячи судеб - единою толпой,
И головная боль - когда поставишь точку
В своём черновике: терпи, опять я твой...

Мы повторяемся от века животленна
Осанкой, жестом ли, глаголом старины,
мы были сказкою - ее самозабвенно
Под смертной вьюгою шептали бегуны.

Какие жалобы, свободен и богат я,
И, взглядом пращура смотрю через века.
Ты не примеривай, оставь, чужое платье -
До града Будова дорога далека.